

Оглавление

Смерть	9
Мухи	17
Отплытие	27
Друг	33
Хирн	41
Встреча	49
В сундуке	56
Братья Копытачи уходят из дома	61
Лодка	68
Сумеречный лес	75
Факсе Сторож-у-моста	83
Река Хилле	91
Вересковая пустошь	100
Принцесса	105
Брусничные кочки	112
Рубиновый замок	117
Миндальный пирог	124
Королевская купальня	130
Новый меч Принцессы	135
Повозка	141
Возница	148
Те, кого забирает Господин Смерть	155

Давние времена, давние битвы	165
Тусклый костерок	171
Печальная история Тялве	177
Заземелье	185
Розовый сад	192
Садовник Спартакус	199
Путь в Гарпирию	204
Тропа	211
В Горном замке	218
Залы и коридоры	224
Хёдер и его сестры	231
Мать-Крылиха	237
Что рассказала Боевое Перо	243
Жизнь в темноте	249
Клетка из ивовых прутьев	256
На Трехрогой вершине	263
Переговоры	270
Безумная схватка	278
Разногласия	283
Четверо в пути	292
Ткач	297
Паланкин	305
Знакомый сон	312
Дом Господина Смерть	318
Встреча	327
Торты	334

Слуги	340
Терраса с видом на море	346
Крокет	352
Пора мыть посуду	359
Прежний Господин Смерть	369
Теплые поздравления	376
Фельдшер Брутус	382
Короткая пора	388
Тялве берет карамельку	394
В библиотеке	399
Что нравится Господину Смерть	405
Неожиданная подсказка	413
Настоящий поединок	421
До захода солнца	428
Пробуждение	437
Звездный час Брутуса	448
Прощание	457
Путь домой	466
Причал Палмгрена	474

Смерть

Всю дорогу до песчаной косы папа шел по воде и нес меня на плечах. Я крепко обнимал его за шею, чтобы не упасть. Солнце разливало белое сияние над морем. В самом глубоком месте вода доставала папе почти до подбородка. Он сказал, что дно под ногами похоже на ванильный крем.

Когда мы пришли, папа ссадил меня на теплый песок. — Пройдемся немного? — предложил он.

Я кивнул и взял его за руку.

С этого берега наш пляж казался совсем маленьким. Я разглядел одежду, которую папа свернул и оставил на старой скамейке. Мы прошли еще чуть-чуть, и я увидел лодочные причалы на другом берегу: они торчали из тростника, словно кривые серые языки.

Папа вздохнул и улыбнулся. Счастливой улыбкой. Да, в тот момент он и вправду был счастлив. И я тоже. Ничего не мог с этим поделать. Хорошо было сбежать на время из нашего темного притихшего дома, хорошо было идти вот так вдвоем и думать лишь о море, небе и солнце.

Вдруг послышался злобный клёкот. Это орлан-белохвост взлетел с высокой сосны, что росла посреди не косы. Папа рукой заслонился от солнца.

— Посмотри, Саша! — сказал он. — Вон там, в ветвях, у него гнездо.

Я вытянул шею и почти сразу увидел большое орлиное гнездо, похожее на коричневый спутанный клубок. Папа сказал, что, наверное, в гнезде есть птенцы и лучше нам уйти отсюда.

— Подожди, — попросил я. — Давай еще немножко тут побудем.

Но папа торопил: орел наверняка нас испугался и может вообще бросить птенцов. Тогда я поднял с земли два коричневых пера, задрал руки и крикнул птице в небе:

— Посмотри на меня! Я тоже могу летать! Но я тебя не обижу!

Я стал бегать, быстро-быстро, взад и вперед, держа перья в руках. Папа засмеялся и сказал, что так я и впрямь скоро взлечу. Орел, видимо, решил, что я такая же птица, как он, успокоился и вскоре вернулся в гнездо. Он следил, как я махал руками. А я радовался, что нам пока не надо возвращаться домой.

Папа сел и, прищурившись, посмотрел на море. Прохладный ветерок раскачивал метелки тростника. Налетавшись вдоволь, я подбежал к папе, забрался ему на колени и замер, прижавшись лбом к его волосатой груди, а потом сказал:

— Теперь можем идти.

Папа кивнул, встал, опять усадил меня себе на плечи и снова вошел в сверкающую воду.

Добравшись до берега, мы переоделись. Папа вдруг заторопился, видимо, тоже почувствовал, что мы слишком задержались. Мы понимали, что нам нельзя вот так беспечно проводить время вдвоем. Папа погладил меня по голове.

— Собрался?

— Угу.

Дорога была сухой и пыльной. По канавам пестрели летние цветы: васильки, клевер, лютики. Меловая гора, протянувшаяся вдоль всей дороги, напоминала огромную поросшую кустарником спину. Папа нес в руке наши мокрые плавки. С них капало, вода оставляла на тропинке маленькие следы-точки. Мы шли молча. Я уже различал наш дом на холме и видел, что окно в комнате, где лежала Семилла, приоткрыто.

Когда мы подошли ко двору Кая, то услышали чьи-то крики. Оказалось, что шесть его свиней сломали загон и выбрались на поле полакомиться картошкой. Кай бегал вокруг и пытался им помешать. Он размахивал палкой и ругался на чем свет стоит, но свиньи только с визгом отскакивали — и снова принимались за картошку. Забавная была картина. Мы прыснули со смеху, но, конечно, так, чтобы Кай не услышал.

Хотя папа торопился домой, но вынужден был прийти на подмогу. Кай добрый, он каждое Рождество приносит нам большой копченый окорок и денег не берет.

— Я сейчас, — сказал папа, протянул мне плавки и помчался на поле.

Я стоял и смотрел, как папа с Каем носятся, загоня свиней. Непростое это было дело: видимо, картошка пришлась свиньям по вкусу. Одна из них попробовала удрать на дорогу, но тут уж я бросился ей наперерез и заорал:

— Эй! Пошла отсюда! Тут машины ездят. Возвращайся-ка лучше к Каю!

Свинья уставилась на меня. Глаза у нее были красивого синего цвета, а рыло — мокрое и блестящее. Потом она хрюкнула и побежала назад, на поле. Там-то Кай ее живенько и поймал.

Когда всех беглянок заперли обратно в загон, Кай стянул с головы кепку и отер пот со лба. Он пожал папе руку и о чем-то спросил. Папа пробормотал что-то в ответ. При этом он пару раз покосился на меня. Ясное дело, они говорили *о ней*.

Кай подмигнул мне, а я — ему. Попрощавшись, мы зашагали по вспаханному полю. Я отдал плавки папе. Потом мы поднялись по холму — к дому.

На самом деле наш дом не темный. Он желтый, большой и красивый, а окна — словно зеленые глаза. Вокруг сада растут кусты сирени и бирючины, в саду — яблони, груши и сливы, а у ворот — два высоких клена.

Когда папа открыл ворота, собаки подняли головы, но только Нинни подошла поздороваться. Другие остались лежать в тени.

— Пойду в дом, — сказал папа, не обращая внимания на Нинни. Он даже не повесил плавки на веревку, просто кинул их на крыльце.

Папа закрыл за собой дверь, а я опустился на траву рядом с Нинни. У нас четыре черно-коричневых собаки — коротколапых, с длинными ушами. Морды у них в складках, словно смятый бархат. Папа говорит, что их лай похож на звон четырех больших колоколов, созывающих на службу.

Я уткнулся носом в шерсть Нинни. Мне хотелось пойти в дом, но и оттянуть возвращение хотелось тоже. Хорошо было там, на песчаной косе: я забыл все печали и просто нежился с папой на солнышке и смеялся. Нинни ткнулась носом мне в ухо и засопела. Я обнял ее и прошептал:

— Господин Смерть просто дурак, верно?

Собака удивленно посмотрела на меня. У нее были обвисшие покрасневшие веки.

— Почему ему позволено забирать любого, кого захочет, даже не спрашивая разрешения?

Нинни лизнула меня в щеку. Это все, что она могла ответить. Летний ветер трепал ветки кленов, и листья танцевали, словно тысяча маленьких зеленых юбок.

Конечно, Господину Смерть не позволено забирать всех без разбору. Но ему достаются многие. Те, кто упал за борт, не умея плавать. Те, кто съел ядовитые ягоды в лесу. И те, кто заболел, как Семилла.

Это случилось несколько месяцев назад. Тогда ее еще не звали Семиллой, у нее было прежнее имя — мама. Мама — так ее звали. Однажды она призналась, что силы оставляют ее. Она не могла делать обычные вещи: ездить на велосипеде в магазин или подниматься с корзиной белья по лестнице. У нее ни на что не было сил. Папа решил, что ей нужно обследоваться. Наверняка ничего серьезного, ей надо просто есть больше мяса или гулять почаще, но все равно следует показаться доктору. И он отвез маму в город. А я остался у Палмгрена и играл с оловянными зверюшками. Родители пробыли у врача целый день, а домой вернулись бледные и притихшие. Я сразу понял: что-то стряслось. Потом, когда мы пили горячий шоколад в кухне и я отхлебнул из своей кружки, мама дотронулась до моей руки и сказала, что больна, что умирает. У нее внутри нашли какую-то опухоль, которую невозможно удалить. Доктор считал, что опухоль слишком большая.

С этого момента у мамы появилось новое имя. Не знаю, откуда оно взялось. Когда я услышал, что она умрет, я перестал называть ее мамой. Не мог: это было

слишком больно. Я просто сказал, что отныне стану звать ее Семилла. А она ответила, что имя ей нравится.

Порой я пытался вспомнить, как мы жили до ее болезни. Странно, но у меня ничего не получалось. Все словно стерлось. Будто ничего и не было. Чем я занимался тогда? Может, жил себе и радовался? Гулял целыми днями, хохотал и распевал песни? Не помню. Знаю только, что тогда все было иначе. Теперь я ничего особенного не делал. Мы ходили с папой купаться, а еще читали книги и все такое. Он пытался что-нибудь придумать, чтобы в доме не было так тихо и безжизненно. Мы обещали друг другу, что никогда ее не забудем. Будем помнить ее и разговаривать о ней каждый день — словно она никуда и не исчезла. Такие у нас были беседы.

— Саша?

Это папа вернулся. Голос его звучал хрипло. Может быть, он плакал?

— Идешь? — спросил он.

Я кивнул, отпустил шею Нинни и поплелся к двери. Пока я снимал в коридоре сандалии, папа спросил:

— Хочешь подняться наверх?

Внутри у меня все похолодело. Я посмотрел на него:

— Это уже случилось?

Он покачал головой.

— Нет.

Я поставил сандалии на полку и стал подниматься по крутой белой лестнице.

— Саша? — окликнул меня папа, когда я дошел до половины.

— Что?

Он ответил не сразу.

— Наверное, уже скоро, — сказал он тихо.

Я кивнул и пошел дальше. Скоро. Скоро придет Господин Смерть.

Мухи

Скоро придет время, — поднимаясь по лестнице, думал я, — когда все это останется: выкрашенные белой краской перила, скрипучие ступени, пыль в щелях, засохшие растения на стене. И мы с папой. А ее не будет. Скоро это время наступит.

Лестница вела на застекленную веранду: два дивана, стол, невысокие пальмы... Эта веранда казалась мне самым жутким местом у нас в доме. Там всегда было полным-полно мух. Некоторые еще живые, но большинство уже дохлые. Они валялись повсюду — на подоконниках и на полу. Многие считают, что мух бояться нечего, но я все равно боялся. Через несколько дней после того, как я узнал, что к нам придет Господин Смерть, мне приснились мухи. Их было очень много — сотни, а то и тысячи. Они садились мне на ноги и на руки, на лицо — у самого рта и у глаз. Я пытался убежать от них, мчался изо всех сил, но они не отставали. Мне казалось, я чувствовал, как их волосатые тельца щекочут мою кожу, как они лижут меня своими языками. Я закричал во весь голос, кричал и кричал, и вдруг проснулся. Это папа растолкал меня.

— Саша, Саша! Я с тобой!

Я плакал и не мог остановиться, а он обнимал меня и гладил по спине.

— Я буду заботиться о тебе, — шептал он.

Наверное, он решил, что мне приснился сон про Семиллу. Про то, что она умрет, — вот я и кричал. Но я почему-то не мог рассказать ему правду, что мне просто приснились мухи. Может, боялся, что он не поймет. Или рассердится и скажет: как можно кричать из-за таких пустяков! Из-за каких-то мух!

Этот кошмар преследовал меня. Снился вновь и вновь, так что стало казаться: хуже мух ничего быть не может. Теперь я пулей пробегал через веранду. Вот и в тот раз, поднявшись по лестнице, я хотел поскорее прошмыгнуть в комнату Семиллы. И вдруг застыл на месте. Я услышал какой-то новый звук. Легкое жужжание. Я оглянулся. Одинокая муха билась о стекло. Тук-тук-тук.

Не знаю, с чего я решил, что должен помочь ей. Она мне нравилась ничуть не больше всех прочих.

И все-таки я ее пожалел. Она так спешила вылететь наружу, что готова была расшибиться насмерть, вновь и вновь врезаясь в стекло. Я осторожно подошел. Хватит ли у меня смелости открыть окно для этой злюки?

Но тут муха подлетела ко мне и ударилась о щеку. Я вскрикнул и замахал руками:

— Не трогай меня!

Муха уселась на окно. Она напомнила мне собаку, которая топчется у двери и виляет хвостом — так ей не терпится пойти на прогулку.

— Ну уж нет! — пробормотал я, развернулся и кинулся прочь.

Войдя в спальню, я сначала отдышался. Семилла неподвижно лежала на кровати. Светло-каштановые волосы рассыпались по подушке. Веки опущены, словно она спит. Но, услышав, что я вошел, Семилла улыбнулась и открыла глаза.

— Привет, — прошептала она.

От нее прежней уже почти ничего не осталось. Кожа словно шелковая бумага — тонкая и прозрачная. Казалось, она почти не дышит, а воздух просачивается в тело прямо через эту бумагу.

Я забрался на кровать и прижался к ней. На тумбочке лежала желтая коробочка. Доктор говорил, что Семилле повезло: она почти не чувствует боли. Но на всякий случай дал ей таблетки: чтобы не пропал аппетит и все такое. Семилла с усилием повернула голову и вдохнула запах моих волос.

— Так пахнет мой мальчик, — сказала она.

Потом мы долго молчали. Из приоткрытого окна дул слабый ветерок.

— Что происходит, когда человек умирает? — спросил я.

Семилла облизала сухие губы.

— Царство Смерти... — проговорила она, — там все так же, как здесь, и в то же время все по-другому.

Я сел. Не знаю, почему я об этом спросил. Я и не думал, что она может что-то знать о Царстве Смерти. Но Семилла заговорила о нем как о чем-то само собой разумеющемся, и я стал ее спрашивать.

— А как туда добиваются?

— Путь туда... простой и быстрый, — ответила Семилла. — Просто оказываешься вдруг там.

Я задумался на миг, попытался представить, что она имела в виду.

— Туда надо плыть на лодке?

Она снова улыбнулась.

— Да. На большой красивой лодке. Ты таких никогда не видел.

— Расскажи еще про Царство Смерти! — попросил я.

Она тоже ненадолго задумалась.

— Некоторые считают, что после смерти человек преобразуется.

— Как это?

— Ну, перестает быть собой прежним. Смерть превращает человека в кого-то другого.

— В кого?

— Не знаю, Саша.

Она вдруг показалась очень усталой.

— Нет, скажи! Семилла, скажи, кем становятся после смерти?

Она положила холодную влажную ладонь на мою руку.

— Кем-то другим, но очень хорошим. Просто представь сам...

Я снова улегся рядом с ней и стал смотреть на побеленные доски на потолке. Кем-то хорошим? Кто бы это мог быть?

Может, орлан-белохвост? И правда, что, если Семилла превратится в морского орла — такого, которого мы с папой видели на косе? Это очень красивые птицы. Здорово, наверное, уметь летать: расправишь огромные крылья и поднимешься ввысь, за облака!

Но если она превратится не в морского орла, а, например, в какую-нибудь свинью? Вроде той, что тарасилась на меня на поле Кая? Конечно, свиньи тоже по-своему симпатичные. Глазки у них такие синие и любопытные, даже чем-то похожи на человеческие. Я улыбнулся, представив, что Семилла превратилась в миленькую кругленькую свинку и роет пяточком землю в поисках картошки.

Может быть, подумал я, она превратится в собаку — такую как Нинни? А что — ей бы это подошло. Нинни добрая, у нее бархатистая шерсть, печальные глаза под обвисшими веками, длинный шершавый язык, которым

можно вылизать все печали, и лай, гулкий, как церковный колокол.

Да много в этом мире есть хорошего. Все-таки Господину Смерть придется не раз почесать в затылке, прежде чем он придумает, в кого преобразить Семиллу. Конечно, лучше бы она осталась самой собой. Она и так прекрасна, зачем что-то менять?..

Вдруг послышалось жужжание. В приоткрытую дверь влетела какая-то точка. И приземлилась на окне. Это была та самая беспокойная муха. Я вздрогнул и теснее прижался к Семилле. Она заметила, что я слежу за мухой, и спросила:

— Она тебе не нравится?

— Нет.

— Почему?

— Просто не нравится, и все. Я вообще мух не люблю. Я их боюсь.

Казалось, Семилла собиралась спросить еще о чем-то, но передумала. Она теперь быстро уставала и, наверное, хотела оставить силы, чтобы поговорить о другом. О том, что скоро должно было случиться.

— Ты готов к тому, что я уйду? — спросила она.

Я не знал, что отвечать. Может, я и был готов. В каком-то смысле я уже попрощался с ней. Время, когда она была моей мамой, прошло. И наступило совсем другое — время с Семиллой, когда мы ждали прихода Господина Смерть.

— Наверное.

Я протянул руку и провел по ее волосам, дотронулся до лица, коснулся всего, о чем хотел сохранить память.

— А *ты* готова?

— Конечно, — ответила Семилла и улыбнулась. Но какой-то ненастоящей, вымученной улыбкой. Через минуту она вдруг расплакалась. Я прижался к ней.

— Что с тобой?

Но она не могла ответить, только плакала.

— Тебе страшно?

— Да.

— Не надо, — сказал я и стал трясти ее. Мне хотелось смахнуть ее слезы, я не мог их видеть! — Ты же сказала, что готова. Это неправда? На самом деле ты не готова, Семилла?

— Готова... — прошептала она и глубоко вздохнула, стараясь сдержать плач. — Я готова отправиться туда. Но не готова оставить вас.

Она взяла мою руку и сжала с неожиданной силой. Взгляд ее прояснился. Она сказала:

— Я так сильно люблю тебя и папу, что моя любовь превыше всего. Понимаешь?

Я кивнул, но на самом деле ничего по-настоящему не понял.

А она продолжала:

— Саша, а что, если попробовать перехитрить Господина Смерть?

Я почувствовал, как бешено забилося мое сердце.

— Да!

— Ты веришь в это? — спросила Семилла, крепко сжав мою руку. В ее ясном взгляде появилось что-то новое. — Веришь, что это возможно?

— Да! Да! — прошептал я.

Семилла отпустила мою руку и упала головой на подушку, почти без сил.

— Я сделаю это, — сказал я и провел рукой по ее влажному лбу. — Я найду способ перехитрить Господина Смерть. Обещаю.

Семилла закрыла глаза и, почти не шевеля губами, прошептала:

— Хорошо, Саша. Попробуй.

И тут я снова услышал короткое жужжание и обернулся к окну. Муха наконец-то нашла щелку и вылетела наружу.

